

**А. И. Михайловский-Данилевский**

**Полное собрание сочинений**

**Том 5**

УДК 93  
ББК 63.3  
А11

А11 **А. И. Михайловский-Данилевский**  
Полное собрание сочинений: Том 5 / А. И. Михайловский-Данилевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 516 с.

**ISBN 978-5-518-08646-3**

**ISBN 978-5-518-08646-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2013  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



командиров никто не знал настоящего направления, и все истощались в догадках о намерениях Светлейшего – так называли в армии Князя Кутузова. Путь вел мимо опустелых селений и господских домов, где еще недавно обитали счастливые семейства, не воображавшие, что война, с ее опустошениями, когда-либо коснется подмосковных сел их. Часто встречали мы спасшихся из столицы выходцев, и каждого спрашивали: давно ли он из Москвы? Что делается с Москвою? Их рассказы о происходивших в Москве ужасах, почитались сначала преувеличенными. После удостоверились в справедливости показаний, казавшихся сперва несбыточными; злодейства неприятеля превышали всякое вероятие.

#### Схема № 44.

Поздно вечером 5-го числа, после усиленного перехода, армия прибыла на Тульскую дорогу и расположилась у Подольска, при страшном зареве пожара Московского, освещавшего весь небосклон. Густые облака, в которых отражался пламень Москвы, текли, как поток лавы, по темной синеве неба. Два корпуса стали впереди Подольска, ближе к Москве, другие позади города; главная квартира заняла деревню Кутузову. По прибытии на Тульскую дорогу стала для всех понятна истинная причина бокового движения. Первою заботою Фельдмаршала было донести ГОСУДАРЮ об удачном начале его маневра. «До сих пор», писал он ИМПЕРАТОРУ, «получаю я сведения об успехе моего фальшивого движения, ибо неприятель последовал частями за казаками» (то есть, за отрядом, оставленным на Рязанской дороге) «Это дает мне ту удобность, что армия, сделав завтра фланговой же марш в 18 верст, на Калужскую дорогу, и послав сильные партии на Можайскую, весьма озаботить должна тыл неприятельский. Сим способом надеюсь я, что неприятель будет искать мне дать сражение, от которого на выгодном местоположении равных успехов, как и при Бородине, я ожидаю». Разъезды доносили, что неприятель нигде не показывался, а потому дана была армии дневка. 7-го Сентября продолжали мы движение из Подольска на старую

Калужскую дорогу, и вступили на нее у Красной Пахры, чем совершилось боковое движение вокруг Москвы. Став твердою ногою на Калужской дороге, Князь Кутузов имел возможность: 1), прикрыть полуденные губернии, изобиловавшие запасами; 2), угрожать пути неприятельских действий от Москвы через Можайск, Вязьму и Смоленск; 3), пересекать отрядами растянутые на чрезмерном пространстве сообщения Французов, и 4), в случае отступления Наполеона к Смоленску, предупредить его по кратчайшей дороге.

Когда армия совершала боковое движение, Милорадович с арьергардом, в назначенное время, пошел тоже влево. Его марш направлен был на перерез путей, лежащих из южных губерний в Москву и сосредоточивающихся в ней, как в общем центре. На всех пересекаемых им дорогах, Милорадович оставлял отряды, с приказанием каждому из них особо, не следовать уже за общим движением армии, но, при появлении неприятеля, отступать по той дороге, на которой отряд был поставлен. Посылаемые Милорадовичем в разные стороны к Москве партии не открывали неприятеля, исключая Французских бродяг. На Рязанской дороге оставил он Полковника Ефремова, с двумя казачьими полками. Мюрат шел за ними до Бронниц, в уверенности, что идет вслед за всею Русскою армиею. Не прежде, как по прибытии в Бронницы, узнал он, что вместо главных сил Князя Кутузова, имеет перед собою только два Донские полка. Неведение Мюрата об истинном направлении Князя Кутузова тревожило Наполеона. В ожидании верных известий о месте пребывания Русской армии, не трогал он войск из окрестностей Москвы. Авангарды его находились от нее частью на расстоянии одного марша, частью только на половину перехода от столицы. Заблуждение Мюрата и Наполеона на счет движений наших произошло от смятения, в которое ввергнул их пожар Москвы, и от искусных маневров

Князя Кутузова<sup>3</sup>. «Армия», доносил Кутузов ГОСУДАРЮ, из Красной Пахры, «делая фланговое движение, для скрытности сего направления вводила неприятеля на всяком своем марше в недоумение. Направляясь сама к известному пункту, она маскировалась между тем фальшивыми движениями легких войск, делая демонстрации, то к Коломне, то к Серпухову, за коими и неприятель следовал большими партиями».

#### Схема № 45.

При вступлении нашем на Калужскую дорогу, расположение неприятельских войск было следующее: гвардия в Кремле и ближних кварталах; корпус Даву в Новинской части, имея передовую цепь между дорогами Тульской и Звенигородской; Вице-Король в Петровском дворце, а посты его на дорогах Звенигородской, Волоколамской, Петербургской, Дмитровской и Ярославской. Жюно стоял в Можайске; левое крыло его простиралось до Рузы, правое до Вереи; Ней был на Тульской и Рязанской дорогах. Он имел повеление подкреплять Мюрата, который с корпусом Понятовского, двумя пехотными дивизиями и резервною кавалериею должен был наблюдать за Русскою армиею, и обманутый ее движениями, шел к Бронницам. Не видя из донесений Мюрата: куда девалась Русская армия, Наполеон велел составить сборный корпус из пехоты и конницы, поручил его Бессьеру и приказал ему идти по старой Калужской дороге до селения Десны<sup>4</sup>. В повелении Бессьеру сказано: «Старайтесь разведать о марше неприятеля, доколе Неаполитанский Король не найдет его следов и не остановится на них»<sup>5</sup>. Из переписки Наполеона с Мюратом и Бессьером видно, что он первоначально имел намерение, по получении достоверных известий о направлении Князя Кутузова, лично выступить против него, и оттеснить нашу

<sup>3</sup> «Lorsque Napoleon revint au Kremlin, les avants-postes ne s'etendoient qu'a une journee de marche sur quelques routes, et sur d'autres a une demie journee seulement. On doit l'attribuer a ce qu'on ignoroit encore quelle avoit ete la direction de la retraite de Koutousof et aussi aux embarras causes par l'incendie». Chambray, Histoire de l'Expedition de Russie, II, 254.

<sup>4</sup> Карта расположения войск 9-го сентября, № 45.

<sup>5</sup> Chambray, Histoire de l'Expedition de Russie, II, 149.

армию на несколько маршей от Москвы<sup>6</sup>. Догадки о дальнейших предположениях Князя Кутузова сильно тревожили неприятелей. Ни один из Французских Маршалов не был изъят от опасения на счет его дальнейших замыслов. Наполеону нужно было употребить все средства убеждения, чтобы успокоить своих сподвижников и опровергнуть их стратегические и политические заключения. «Маршалы воображали видеть повсюду Кутузова», – говорит секретарь Наполеона; «особенно боялись они движения его на Можайск, чем, он отрезал бы нам Смоленскую дорогу»<sup>7</sup>. Бессьер, посланный к Десне, разделял сие мнение. «Неудивительно», писал он, «что старик Кутузов, ускользнув от Неаполитанского Короля, теперь находится в полном движении, стараясь со всею армиею стать на наши сообщения». Для обеспечения сих сообщений, Наполеон вверил, Генералу Орнано все команды, находившиеся между Москвою и Можайском, и потом писал Бессьеру: «Вы в центре, и должны наблюдать за тем, что происходит вправо у Орнано, и влево у Неаполитанского Короля. Впрочем весьма естественно, что Кутузов разослал по всем дорогам кавалерию для разведания о наших движениях и охранения себя. Может быть, он пересчет нам на несколько дней Можайскую дорогу, но больше, конечно, ничего не сделает»<sup>8</sup>. Не найдя Русской армии на Рязанской дороге, Мюрат поворотил из Бронниц к Подольску, где 13-го Сентября, соединился с Понятовским. В тот же день Бессьер занял Десну. Тут и в Подольске, оба неприятельские генерала узнали наконец где Русские, о чем тотчас донесли Наполеону, коего неведение о местопребывании нашей армии продолжалось до 14-го Сентября<sup>9</sup>. Он приказал Мюрату напирать на Князя Кутузова и теснить его. Сборный корпус Бессьера, находившийся на

<sup>6</sup> «Napoleon s'appretoit lui-meme a sortir de Moscou pour rejeter les Russes au loin; mais d'abord il falloit savoir ou les prendre, et tout concouroit pour accroitre l'incertitude». Fain, Manuscrit de 1812, II, 95.

<sup>7</sup> «Par combien de vaines idees et de faux appercus n'at on pas fatigue Napoleon! Combien il lui a fallu opposer de douceur, de prudence et de sangfroid a toutes les apprehensions, moitie strategiques et moitie politiques, dont aucun de ses lieutenants ne voulait lui faire grace. On s'obstinait a voir Koutousoff partout: on le voyait surtout du cote de Mojaisk, nous coupant la route». Fain, Manuscrit de 1812, II, 96.

<sup>8</sup> Fain, Manuscrit de 1812, II, 96.

<sup>9</sup> «Ce fut le 14/26 seulement que Napoleon apprit enfin la certitude ce qu'etait devenu Koutousoff. Si l'ignorance ou il s'etait trouve relativement aux mouvemens de ce general, l'avait jette dans un veritable embarras, les partis russes, repandus autour de Moscou, avaient contribue a l'augmenter». Fain, Manuscrit de 1812, II, 96.

старой Калужской дороге, должен был, в случае нужды, служить ему подкреплением. Наполеон полагал, что Князь Кутузов заключит из сего наступательного движения о следовании за Мюратом всей Французской армии для начала атаки, и потому отступит. В противном случае, если бы Князь Кутузов, не отступая, упорствовал в защите позиции при Красной Пахре, Наполеон хотел выступить против него из Москвы со всеми войсками. Как будто предугадывая мысли Наполеона, наш Главнокомандующий перевел, 9-го Сентября, армию на правый берег Пахры, в намерении прикрыть себя сею рекою. Авангарды были выставлены в двух направлениях: один, Милорадовича, на Калужской дороге, в Десне; другой, Раевского, в виде бокового корпуса, на дороге из Красной Пахры к Подольску. Сверх того, не желая терять ни минуты в действиях на пути неприятельского сообщения, Князь Кутузов, немедленно по прибытии в Красную Пахру, велел Генерал-Майору Дорохову, с 2.000 конницы и 2-мя конными орудиями, идти на Можайскую дорогу, для истребления неприятельских транспортов и команд, шедших в Москву.

Набеги Дорохова были удачны. В течение 7-ми дней уничтожил он парк из 80-ти ящиков, и взял в плен до 1.500 человек, в том числе 48 офицеров<sup>10</sup>. Узнав о появлении наших войск на Можайской дороге, Наполеон послал для ее очищения отряд, составленный из пехоты и конницы. Дорохов отступил, но так искусно, что отходя назад, разбил наголову посланные за ним для преследования 2 эскадрона гвардейских драгунов. На них сделали блистательную атаку, поставленные в засаде, 2 эскадрона нашего лейб-драгунского полка, сформированного в 1809-м году, по образцу драгунов Наполеоновой гвардии. На дорогах Владимирской, Рязанской, Тульской и новой Калужской также находились наши разъезды, прикрывая край от набегов неприятеля и причиняя ему, при удобных случаях, возможный вред. Винцингероде, стоя в Черной Грязи, тревожил Французов по дорогам Ружской,

<sup>10</sup> Приказ по армии, 19-го Сентября, № 28.

Тверской и Ярославской. Ко всем нашим разъездам присоединялись вооруженные крестьяне. Вместе с казаками, они прерывали сообщения между Мюратом, Понятовским и Бессьером, нападали на отдельные команды и фуражиров, и начинали впервые испытывать силы свои на ратном поле.

#### Схема № 46.

В таком положении находились воевавшие армии, когда, 13-го Сентября, наконец показались Французы в виду наших авангардов<sup>11</sup>. Бессьер шел по Калужской дороге на Десну, Мюрат от Подольска на Дубровицу и Ознобишино, по дороге на Чириково, в тыл нашего лагеря у Красной Пахры. Князь Кутузов стянул авангарды ближе к армии: Милорадовича к Ватутинке, Раевского к Поливанову. Желая предупредить внезапное нападение на тыл, корпус Графа Остермана был отряжен в Немчино; на его правом крыле, в Сатине, стал отряд Паскевича. Заключение о намерениях Наполеона были различны в нашей главной квартире. Полагая, что Наполеон приближается к нам от Подольска со всеми силами, одни советовали не уклоняться от сражения и принять его при Красной Пахре. Другие говорили, что Наполеона тут быть не могло, и что он не избрет для своих действий такого пути, на котором, при проигранном сражении, подвергался он опасности быть отрезанным от Москвы, Смоленска и своих сообщений. По сему заключали, что к нашей позиции подходила только часть неприятельских войск, и советовали, возложив на Милорадовича оборону переправы через Пахру, всем прочим войскам выступить к Подольску и атаковать неприятельские корпуса, какие там встретятся. Первое предложение: ожидать Французов при Красной Пахре, было сделано Барклаем де-Толли; второе: идти на неприятеля, Беннигсеном. В происходившем у Фельдмаршала совещании, оба с жаром поддерживали свое мнение. Князь Кутузов не согласился ни с тем ни с другим, намереваясь отступить, но на всякий случай велел армии быть готовою к сражению. Он доносил ГОСУДАРИЮ:

<sup>11</sup> Карта отступления к Тарутину, № 46.

«Главная забота моя есть укомплектование войск. Сегодня ожидается из Калуги Генерал-Майор Ушаков, и с ним пехоты, формирования Милорадовича, до 6.000 человек, 2 Рязанские полка формирования Князя Лобанова-Ростовского, которые, говорят, довольно хороши. С Ушаковым более 1.000 лошадей для кавалерии. Сверх того Рязанское ополчение дает мне 800 лошадей, Тульское 500, и 12 эскадронов порядочной казачьей конницы, формирования Князя Щербатова. Я при сем случае всеподданнейшим долгом считаю свидетельствовать перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ об успехе, с коим большая часть Тульского ополчения сформирована; оное видел посланный от меня Генерал-Адъютант Уваров. Сии прибывающие лошади и конница весьма мне во время, ибо многие части кавалерии от беспрестанных действий весьма ослабели, так, что из 4-х эскадронов едва составиться могут два, как-то 2-й и 3-й кавалерийские корпуса. Теперь же, достигнув предполагаемой точки операций, для действия в тылу неприятеля, кавалерия весьма нужна. Войска Донского Атаман Платов уверяет меня, что много у него казаков в скором времени прибыть должны к армии; их голову полагает он уже в Воронеже».

Князь Кутузов имел в виду собраться с силами, дать время разгореться народной и партизанской войне, и в особенности, по любимому его выражению, *усыпить Наполеона в Москве*. Никто не мог знать, что предпримет Наполеон; но со стороны Князя Кутузова начинали уже развиваться соображения, упрочившие за ним в военном отношении перевес над Наполеоном. Достигнута была самая главная цель: настоящий, безошибочный путь действий. Желая воспользоваться сим путем, Князь Кутузов вознамерился отступать еще по старой Калужской дороге и ожидать подкреплений. Выиграть время, усилить Русскую армию, не встревожить Наполеона, но ослабить и изнурить его мало по малу: вот к чему стремился Кутузов. Все, что способствовало сей цели, было им предпочтено ничтожной славе иметь поверхность над неприятельским авангардом. Великий ум его

постиг, обнял свойство войны. Уже в Красной Пахре начинал Князь Кутузов пожинать плоды своей дальновидности при боковом движении, совершенном им вокруг Москвы. Дорохов на Можайской дороге продолжал удачные поиски на неприятельские подвозы, а от разосланных в разные стороны разъездов приводили по несколько сот пленных. Яркими красками изображали они претерпеваемые неприятельскими корпусами недостатки, как в самой Москве, так и в окрестностях. В числе пленных были и гвардейские солдаты. Все они говорили единогласно об обманутых надеждах, о несбывшихся ожиданиях при занятии ими Москвы.

15-го Сентября армия выступила из Красной Пахры в знаменитый Тарутинский лагерь, избранный за несколько дней перед тем. Первый переход был до селения Бабенкова; главная квартира заняла деревню Мочу, куда приехал Генерал-Адъютант Князь Волконский, отправленный ИМПЕРАТОРОМ узнать: по какой причине Князь Кутузов пошел на Коломну, а не на Калужскую дорогу, и донести о положении армии. По прибытии Князя Волконского в главную квартиру, войска найдены им были именно на том пути, на котором ГОСУДАРЮ угодно было, чтобы они находились. Одного поверхностного взгляда было достаточно Князю Волконскому для убеждения, сколь наше положение было выгоднее в сравнении с неприятельским. В донесении своем ГОСУДАРЮ, он между прочим говорит: «Смело можно уверить, что Наполеону трудно будет вырваться из России». В Моче Князь Кутузов простоял три дня, не желая дать движению своему вид поспешного отступления, и между тем выжидал, не обнаружатся ли какие-либо действия Наполеона, в следствие которых, может быть, нужно будет принять скорые и особенные меры. Мюрат несколько раз показывался в значительных силах против авангарда, и завязывал с ним дела. Самое жаркое происходило под Чириковым, 17-го Сентября, где взяли в плен Начальника Штаба Мюратова, Генерала Феррье. Мюрат присылал просить об освобождении его на честное слово, в чем Князь Кутузов отказал ему.

Несравненно важнее в сем деле была храбрость, явленная Московским ополчением: оно не уступало в огне линейным войскам. Таким образом, если бы, по воле Божией, продлилась Отечественная война, можно было иметь твердую надежду на самое деятельное участие ополченных дружин. Трехдневное пребывание Князя Кутузова в Моче подало Наполеону повод к заключению, что наш Полководец, может быть, не намерен отходить далее и имеет в виду принять сражение, а потому Наполеон приказал стоявшим в Москве и окрестностях войскам готовиться к выступлению. Он хотел атаковать Князя Кутузова, но отложил свое намерение, получив от Мюрата донесение об отступлении Русских. 19-го Сентября, наша армия продолжала движение к Тарутину, через село Вороново, принадлежавшее Графу Ростопчину; он велел прибить к дверям Вороновской церкви следующую записку, на Французском языке: «Восемь лет украшал я мое село, и жил в нем счастливо. При вашем приближении, крестьяне, в числе 1720, оставляют свои жилища, а я зажигаю мой дом; да не осквернится он вашим присутствием. Французы! в Москве оставил я вам два моих дома, и движимости на полмиллиона рублей; здесь же вы найдете один пепел». Завидев приближение неприятелей, Граф Ростопчин действительно, зажег село свое.

20-го Сентября, армия перешла через Нару и вступила в Тарутинский лагерь. Обозрев местоположение, Князь Кутузов остановился на высоком берегу Нары, и как будто предрекая будущее, сказал: «Теперь ни шагу назад!». В последние три марша, Мюрат, идя столбовою дорогою за Милорадовичем, сильно атаковал его при Воронове, потом при Спас-Купле. Обе стороны приписали себе успех: Французы, потому, что подались вперед; наши, потому, что отступали в совершенном порядке, не дав неприятелю никакой поверхности над собою. 22-го Сентября, Милорадович отошел к Винькову. Далее нельзя уже было пускать Мюрата, обо позади нашего авангарда начиналась покатошь до самого лагеря. Завязалось жаркое дело. Мюрат несколько раз переменял пункты атак, но не имел успеха и к вечеру

немного отступил. На следующее утро Милорадович объезжал войска, и сжался над неприятельскими ранеными, лежавшими на поле сражения позади нашей передовой цепи, поскакал к Французским пикетам и сказал им, что позволяет перевезти раненых и прислать подводы за ними. Мюрат пригласил Милорадовича на свидание, благодарил его за попечение о раненых, и завел речь о прекращении войны, но едва намекнул он, что пора мириться, получил от Милорадовича следующий ответ: «Если заключать теперь мир, я первый снимаю с себя мундир». Мюрат не возобновлял более покушений против нашего арьергарда и стал в виду Милорадовича у Винькова; сборный корпус Бессьера занял Красную Пахру. В сем расположении оставались они две недели, до 6-го Октября, когда Мюрат был разбит. Что касается до главной неприятельской армии, то узнав об отступлении Князя Кутузова к Тарутину и заключая по сему движению о намерении Русских не вступать в дело, Наполеон, помышлявший единственно о мире, а не о продолжении войны, разместил войска пространнее для удобнейшего продовольствия. Вице-Король пошел на Черную Грязь и к Подсолнечной, Ней выступил в Богородск, Даву и гвардия расположились в Москве, Жюно оставался в Можайске.

#### Схема № 47.

Таковы были действия воюющих армий до прибытия нашего в Тарутино. Сие село находится на старой Калужской дороге, в равном расстоянии от Москвы и Калуги. Оно принадлежало Обер-Гофмейстерине Нарышкиной, некогда доверенной особе Екатерины Великой. Лагерь был на правом берегу Нары<sup>12</sup>, которая течет из Московской губернии и впадает в Оку при Серпухове. Глубина ее при Тарутине один аршин, а ширина 20 сажен. Крутые берега Нары обороняли фронт войск; правое крыло армии также было защищено крепким местоположением, но левое, упиравшееся в лес, составляло слабую часть позиции. Вдоль фронта построили временные

<sup>12</sup> План лагеря при Тарутине, № 47.